

Алексей Обухов

Смех и личность

Смех — феномен
человеческой психики

Смех является весьма значимым, но при этом одним из самых неразгаданных, феноменом человеческой психики. Смех существует на протяжении всей истории человечества и присущ только человеку. Многие мыслители именно смех считали критерием отличия человека от животного или живого человека от мертвого. «Из всех живых существ только человеку свойствен смех» (Аристотель) [3]. Этой формулой Аристотеля Ф. Рабле оканчивает свое вступительное стихотворение к «Гаргантюа»:

Лучше писать о смехе, чем о слезах,

Потому что смех свойствен человеку. [21]

Исходя из того что в эпоху Ренессанса существовал именно такой взгляд на проблему смеха, М.М. Бахтин делает вывод о том, что «смех рассматривали как высшую духовную привилегию человека, недоступную другим существам» [5].

Чудодейственная сила смеха

В древности смеху придавали чудодейственную силу, считая, что смех обладает способностью вызвать жизнь. Например, у некоторых первобытных народов остался обычай, когда после удачной охоты люди стараются смехом и танцами возродить убитого зверя. В традиционной народной культуре также сохранился ритуал, согласно которому во время обрядовой трапезы одна из сидящих за столом подруг начинает безудержно хохотать, что вызывает всеобщую радость. Это должно предвещать будущую беременность и рождение ребенка у смеющейся. Но смех также может и убивать, являясь как причиной смерти, так и облегчением отделения души от тела и перехода ее в другую жизнь (загробную или новую). У некоторых народов (абхазцев, осетин, коренных мексиканских племен) похоронный обряд сопровождается смехом, веселой музыкой, танцами. В древности на острове Сардос уничтожали престарелых соплеменников. Во время этого действия все громко смеялись, считая, что этим вызывают новое рождение, искупающее совершаемое злодеяние (отсюда — сардонический смех).

Смех начинается с улыбки

Ребенок, придя в этот мир, не сразу начинает смеяться. Смех начинается с улыбки. Улыбка является врожденной реакцией и проявляется в первые часы после рождения как ре-

Улыбка начинается с оскала.

Смех прячет за собой как радость, так и агрессию.

Функции смеха:

Интеллектуальная

флекторное движение во время сна, а чуть позже она становится социальной реакцией — эмоциональным ответом на вид матери, входя в комплекс оживления. Ч.Дарвин писал, что смех, появляющийся из улыбки, «был первоначально выражением только радости или счастья» [8].

Вообще улыбка — это не чисто человеческое проявление. Она есть и у животных — в форме оскала. При улыбке губы расслабляются и растягиваются — ряд клыков и резцов становится виден другим. «Мимика улыбки и смеха оказывается смягченной, эвфемизированной формой оскала недовольства — меньшей доле увиденного зла соответствует «ослабленный» вариант агрессии, по сути, перед нами ее «тень», имитация, не оставляющая, однако, сомнений относительно источника своего происхождения» [10]. Такой подход к вопросу происхождения улыбки перекликается с теорией К. Лоренца, считавшего смех очеловеченной формой агрессии, но противоречит ряду исследований, показывающих, что улыбка появляется «как способ выражения удовольствия» и затем становится «знаком и символом ожидания приятного» [7]. Это противоречие снимается само собой, если мы примем подход, по которому считается, что природа смеха, а следовательно, и улыбки как предтечи смеха, имеет амбивалентный характер, сочетая в своей целостности прямопротивоположные явления. Смех может одновременно быть и выражением радости, и проявлением агрессии. Можно сказать, что под одним внешним проявлением кроется два совершенно разных явления, не разделяемых по каким-то причинам языком и поэтому смешиваемых под одним словом «смех». Два вида смеха, два несопоставимых друг с другом по своей сложности и разнообразию мира, скрываются под одной и той же маской смеющейся радости, вот в чем дело» [9].

На основе анализа философских и психологических исследований проблемы смеха и изучения природы этого явления нами был выделен ряд его основных функций, влияющих на человеческую психику и развитие личности:

1. Интеллектуальная.
 - 1.1. Оценочная. Смех всегда несет в себе определенную оценку. По словам Аристотеля, оценку «некоторой ошибки и нарушения» [3]; А.Бергсон писал, что «косности, автоматизма, рассеянности, неприспособленности к обществу» [6]; или, как утверждает Л.В. Карасев, «преодолимости недействительности зла» [10]. Эта оценка, безусловно, связана с уровнем интеллекта.

1.2. Диагностическая. Смех может являться диагностическим критерием уровня творческого мышления и культурно-морального развития, степени внутренней свободы. При этом смех диагностирует истинное, реальное состояние, а не внешние, желательные формы. По мнению Д.С. Лихачева, «функция смеха обнажать, обнаруживать правду, раздевать реальность от покровов этикета, церемониальности, искусственного неравенства, от всей сложной знаковой системы данного общества» [13].

2. Эмоциональная.

2.1. Агрессивная. Например, К. Лоренц писал, что смех является очеловеченной формой агрессии. В.С. Мухина¹⁰, говоря о подростковом черном юморе, отмечает, что он как нельзя лучше содействует отчуждению.

2.2. Идентификационная. Смех создает ситуацию сопричастности, эмоциональной связи людей. Так как смех несет в себе нормы определенной общности, то смеющийся так или иначе отождествляет себя с другими.

3. Социальная.

3.1. Регулятивная. Смех может быть регулятивной силой для поддержания социальных норм, принятых в данном обществе. Сам смех при этом так же регулируется существующими социальными нормативами. «Смех должен отвечать известным требованиям совместной жизни людей. Смех должен иметь общественное значение» [6].

3.2. Смягчающая. Смех смягчает трения во взаимоотношениях, как в межличностном, так и в межгрупповом плане.

4. Защитная. Смех является защитой как от внешнего, так и от внутреннего давления — он дает разрядку и позволяет отстраниться от ситуации. Защитная функция трансформируется в освобождающую и отстраняющую.

Освобождающая. Смех помогает обрести состояние свободы, правда, сам «смех — это не свобода, а освобождение» [1]. Смех обладает способностью освобождать внутреннее давление в социально приемлемых формах. По мнению З. Фрейда, смех появляется как один из способов чувствовать себя счастливым, получая удовольствие из душевной деятельности. С помощью смеха разрешаются различные потребности человека, возникающие по причине напряжения энергии либидо. «Безудержный смех преодолевает и невзгоды, и победы» [19].

Отстраняющая. Смех помогает человеку быть «независимым от объективного зла». Кроме того, человеку может быть необходима способность к самоотстранению, «не последним из проявлений которой выступает способность к юмору» [25].

Смех имеет
социализирующее значение

Совместно с вышеперечисленными функциями смех несет в себе социализирующее значение. Смех помогает входить в социум и существовать в нем, усваивать социальный опыт в процессе деятельности и общения, познавать этот мир в его естественности. «Способность смеяться вместе — это не только предпосылка настоящей дружбы, но почти уже первый шаг к ее возникновению. Смех не только создает общность его участников, но и направляет их агрессивность против постороннего» [14]. М.М. Бахтин писал, что «смех раскрывает мир по-новому [5]».

Смех как явление социальное отражает особенности самосознания и нравственности конкретного социума. «Наш смех — это всегда смех той или иной группы»⁶.

Психология смеха

В зарубежной психологии вопросы, связанные с проблемой смеха, затрагивали З.Фрейд, К.Лоренц, А.Адлер, Дж.Морено, В.Франкл, А.Маслоу и др. В отечественной психологии также существует ряд работ, в которых так или иначе рассматривается проблема смеха: А.Н. Лук, И.С. Кон, Н.Ф. Кузнецова, Р.А. Садыкова, М.В. Бороденко и некоторые другие. Но необходимо отметить, что более широко в нашей науке проблема смеха раскрывается с культурологической точки зрения в трудах филологов, фольклористов и философов, таких, как С.С. Аверинцев, М.М. Бахтин, Л.Ф. Карасев, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев, В.Л. Махлин, А.М. Панченко, Л.Е. Пинский, Н.В.Понырко, В.Я. Пропп, О.М. Фрейденберг, Б.А. Успенский и многих других.

Бихевиористы: смех как
стимул или реакция

Бихевиористы рассматривали умение воспринимать и воспроизводить смех и смешное как один из навыков социального поведения и исследовали типы подкрепления, необходимые для формирования этого навыка. Смех в их понимании может выступать или как реакция на какое-либо несоответствие, или как стимул для регуляции поведения другого при его несоответствии каким-либо нормам.

К.Лоренц: смех как
агрессия

Особая позиция у К.Лоренца, который, изучая агрессию, приходит к выводу, что смех является специфически человеческой формой выражения агрессии: «с исчезновением агрессивных побуждений из жизни людей исчезла бы, наверное, даже очень важная и сугубо человеческая способность — смеяться» [14]. К.Лоренц понимает смех также как защиту абстрактных истин, которые сами по себе скучны, а смех — антагонистичен скуке. Кроме этого, он уделяет большое социальное значение смеху: «Он [смех] во многом подобен воодушевлению: и в своих особенностях, свойственных инстинктивному поведению, и в своем эволюционном происхождении от агрессии, но главное —

в своей социальной функции. Как воодушевлением во имя одного и того же идеала, так и смехом по одному и тому же поводу создается чувство братской общности» [14]. Помимо этого Лоренц отмечает следующие важные для человека свойства смеха: смех — единственная безопасная форма проявления агрессии (собаки, которые лают, иногда все-таки кусаются, но люди, которые смеются, не стреляют никогда!); [14] смех, дающий спонтанность и инстинктивность, при этом не лишает критических способностей» [14]; смех не позволяет существовать лжи и искусственному пафосу (Когда искусственный пафос вдруг сваливается с присвоенных котурнов, когда пузырь чванства с треском лопается от укола юмора, — мы вправе безраздельно отдаться освобождающему хохоту, который прекрасно вызывается такой внезапной разрядкой» [14]).

З.Фрейд: смех как
получение удовольствий

В психодинамических теориях смех рассматривается как один из социально приемлемых способов удовлетворения либидозных потребностей. С помощью комизма, юмора, остроумия человек получает удовольствие. «Удовольствие от остроты вытекает для нас из экономии затраты энергии на упразднение задержки, удовольствие от комизма — из экономии затраты энергии на работу представления, а удовольствие от юмора — из экономии аффективной затраты энергии» [26]. Смех, по мнению З.Фрейда, появляется как один из способов чувствовать себя счастливым, получая удовольствие из душевной деятельности. С помощью смеха разрешаются различные потребности человека, возникающие по причине напряжения энергии либидо.

А.Адлер: смех и невроз

А.Адлер писал, что шутка подчиняется закону, который всегда направляет наше рассмотрение душевной жизни, а именно связь с чувством общности. И здесь мы видим стремление понизить ценность других. Конечно, нельзя говорить о том, что остроумие, шутка также представляют собой некий бунт против усредненно-всеобщей системы отношений. В хорошей шутке обе системы отношений сближаются, обнаруживая почти равную ценность. Если одна из них явно ничего не стоит, то никакой удачной шутки из этого не получится. Следовательно, невроз можно уподобить плохой шутке, ибо с точки зрения индивидуальной психологии связанные с ним системы отношений не имеют никакой ценности» [2]. Кроме сравнения невроза и шутки, А.Адлер упоминает о возможности употребления такого смехового жанра, как анекдот в терапевтических целях, так как это может иллюстрировать карти-

ну невротического расстройств. Он пишет, что у него «даже вошло в привычку разъяснять страдающим нервными заболеваниями людям их ошибки с помощью анекдотов».

Дж.Морено: смех и
спонтанное творчество

Особо стоит отметить, какую важную роль отводил смеху создатель психодрамы — Дж.Морено. Он делает это, раскрывая понятие «театр спонтанности». Для Дж.Морено смех является одновременно облегчением и отрицанием, он отождествляет смех с созиданием, спонтанным творчеством. «Безудержный смех преодолевает и невзгоды, и победы» [19]. Дж.Морено пишет: «Я думаю, смех возник, когда Господь увидел сам себя. Это произошло на седьмой день созидания. Бог-творец оглядел плоды своего шестидневного труда и упал со стула от хохота над самим собой» [19]. Дж.Морено убежден в необходимости отстраненной критической самооценки для каждого человека, которую в полной мере может дать только смех. В отношении спонтанного актера Дж.Морено пишет: «Воля к творчеству тотальна и всеобъемлюща. Но, для того чтобы полностью соответствовать масштабам своего амплуа, он раскрывает собственную природу, свою судьбу, свои представления о себе самом, свою личностную сущность. Он высмеивает собственный характер, он сомневается в наиболее существенных для себя истинах, подрывает самые существенные основания своего «Я», для того чтобы завоевать для этого «Я» неделимый мир фантазии» [19]. Смех импонирует Дж.Морено своим изначальным свойством — невозможностью быть искусственным, заранее задуманным. Смеховая ситуация всегда неожиданна, именно этим она зачастую и смешна. Смех может быть только именно «здесь и сейчас».

В.Франкл: терапевтическое
свойство смеха

В гуманистической психологии особое терапевтическое свойство смеха в форме юмора отмечает В.Франкл. Юмор и парадоксальные интенции являются одними из основных методов логотерапии, целью которой, как и любой психотерапии, является, по словам В.Франкла, «исцеление души» [25]. В.Франкл также отмечал свойство смеха в невозможности существовать по требованию: «Я не могу смеяться по команде. Если кто-то хочет вызвать у меня смех, ему придется потрудиться и рассказать мне анекдот» [25]. Задачей парадоксальной интенции является разорвать порочные круговые механизмы усиления фобий и неврозов навязчивых состояний. Делает это она, лишая подкрепления опасения пациента. При этом В.Франкл настаивает на том, что «парадоксальное намерение долж-

но быть сформулировано в насколько возможно юмористической форме. Юмор относится к существенным человеческим проявлениям; он дает человеку возможность занять дистанцию по отношению к чему угодно, в том числе и к самому себе, и приобрести тем самым полный контроль над собой» [25].

А.Маслоу: смех как высшая
бытийная ценность

А.Маслоу считал одной из высших бытийных ценностей идентичности юмор, забавы, валяние дурака и смех, которые он все вместе называл «божественным весельем» [17]. Но Маслоу к такому веселью относил не смех вообще, а умение смеяться с кем-то, но не над кем-то. Вообще, по мнению Маслоу, психически здоровых людей отличает лучшее умение смеяться, веселиться, радоваться.

Смех в зарубежной
психотерапии

В зарубежной психотерапии смех используют довольно часто. Например, У.Роджерс считал необходимым развитие смеха и говорил о том, что все мы гости на земле, так давайте, по крайней мере, посмеемся. А американский психиатр А.Гудхарт предложил способ лечения очень мнительных людей: записать в список все, что беспокоит, а потом прочитать все пункты, говоря после каждого: «Ха-ха, всего-то». Таким образом, при помощи смеха можно разрешать субъективно значимые надуманные проблемы, объективно обесценивая их.

Отечественная психология:
причины смеха в
несоответствии

В отечественной психологии смех рассматривается с точки зрения разрешения различных ситуаций несоответствия. С.Л. Рубинштейн причиной смеха определяет «ничтожность, неуклюжесть, вообще несуразность поведения» [22]; а А.Н. Лук под причиной смеха понимает «осознание несовпадения между понятиями и реальным объектом, чужую неловкость» [17]. При этом отмечается влияние на чувство смешного того, кто воспринимает это несоответствие. Проявление чувства смешного в юморе наши психологи связывают с творческим мышлением — операции, необходимые для понимания и создания смешного, имеют отношение к процессу творческого мышления. Начиная с подросткового возраста, проявление смешного рассматривается как одна из форм интеллектуального потенциала. Кроме этого, утверждается, что нет смешных предметов или положений. Восприятие смешного имеет оценочный характер, предполагая своеобразное «примеривание» объекта, воспринимаемого в качестве смешного, к эталону знакомого — «правильного», «хорошего», «красивого». Таким образом, психологический смысл восприятия смешного заключается в осознании несовпадения, несоответствия воспринимаемого обычному, ожидаемому.

Смех как проявление
творческого мышления

Смех от радости

Различают смех от радости и смех от оценки несоответствия. Смех, вызванный удовольствием от восприятия объектов, которые вызывают чувство радости, отличается от смеха, возникающего при обнаружении в окружающем мире необычного, нелепого, несоразмерного.

Считается, что на чувство смешного сильно влияют мировоззрение, личные интересы, культурный уровень субъекта. То есть сила чувства смешного и сам смех как его проявление зависят от того, что именно, в каких условиях и кем воспринимается.

Комическое как контрзнак

М.В.Бороденко [17] предлагает свою трактовку сущности комического, основой которой он обозначает контрзнак. Формируя концепцию комического как контрзнака, М.В. Бороденко опирается на традицию исследования смеховой культуры как специфического момента самоотрицания и вместе с тем саморазвития культуры (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев). Ю.М. Лотман высказал теоретическое положение, что, наряду с механизмами стабилизации, саморазвивающаяся система должна иметь механизмы дестабилизации, «механизм для выработки неопределенности» [16]. Дестабилизирующую роль в истории общества выполняет смеховая культура. Д.С. Лихачев и А.М. Панченко отмечают: «Функция смеха — обнажать, обнаруживать правду, раздевать реальность от покровов этикета, церемониальности, искусственного неравенства, от всей сложной знаковой системы данного общества». Исходя из этого, М.В. Бороденко представляет, что «комическое есть средоточие контрзнаков, сотворяющих неопределенность — расчищающих поле для нового смысла эпохи. Контрзнаки выполняют роль особых стимул-средств саморазвития культуры в индивидуальном и общественном сознании, обеспечивая динамику последнего к новым знаковым сущностям» [7].

Амбивалентность смеха

Вообще в большинстве культурологических подходов к проблеме смеха (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, В.Я. Пропп, О.М. Фрейденберг, Л.Е. Пинский, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко, В.Л. Махлин, С.С. Аверинцев, Л.Ф. Карасев, Б.А. Успенский и многие другие) природа его понимается как **амбивалентная**, то есть содержащая в себе противоположные значения, смыслы, символы.

Смех в педагогической практике

В педагогической психологии отмечается важность применения смеха в педагогической практике. К.Д. Ушинский и А.С. Макаренко независимо друг от друга рекомендовали при встрече с учениками учителям проявлять радость и улыбку. Под смехом же Константин Дмитриевич Ушин-

Смех невозможен вне
социума

ский понимал «чувство непримиримого контраста», которое совершенно необходимо в педагогической деятельности. М.И. Станкин также говорил о том, что развитое чувство юмора преподавателя должно снимать излишнее нервное напряжение, помогать избавляться от утомления, облегчать работу. Юмор позволяет ликвидировать конфликт, нейтрализовать возникшее напряжение. Смех, шутка благотворно влияют на нервную систему, тонизируют школьников.

Кроме индивидуально-психологических функций смеха, выделенных З.Фрейдом, Мак-Ги, В.Франклом, А.Н. Луком и др. — смех-разрядка, смех-обобщение, смех-величие, смех-отчуждение, — существует ряд подходов, выделяющих социальные функции смеха (А.Бергсон, К.Лоренц, М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман и др.), как средства оценки поступков другого человека, формы проявления норм и ценностей конкретных социальных общностей и т.д. Смех невозможен вне социума. Для существования смеха необходимо как минимум два человека. «Смешное не может оценить тот, кто чувствует себя одиноким. Смех словно нуждается в отклике» (А.Бергсон) [6].

Очень важно, чтобы в группе была положительная атмосфера во взаимоотношениях. Смех редко возникает среди людей, не имеющих близости друг с другом. Это происходит по причине отсутствия в группе подлинной общности. Смех возникает лишь тогда, когда человек находится в отстраненной позиции от своего «я». Такая позиция возможна при доверительных взаимоотношениях в группе. Смех сам по себе обладает объединяющей силой в группе.

Естественная среда смеха — это общество, и, чтобы понять смех, необходимо перенести его туда. Вне социума смех не может появиться, существовать и быть понятным. К тому же, как и нравственность, смех является регулятором взаимоотношений людей. Правда, он скорее играет роль выражения оценки, соотносясь с существующими нравственными нормами и ценностями. Смех существует как регулятор жизни человека в соответствии с культурой данного общества. Но для проявления смеха необходимо не только существование в социуме, а еще и присутствие человека. Чтобы засмеяться самому, нужен другой. «Если я заставляю другого человека смеяться, рассказывая ему остроту, то я собственно пользуюсь им, чтобы возбудить свой собственный смех» (З.Фрейд) [26].

Помимо отмеченных нами связей смеха с социумом существует еще один очень интересный аспект, по которому вид-

Социальная, этническая,
культурная и историческая
обусловленность смеха

но, что смех связан с этносом, эпохой, культурой. Понимание смешного всегда зависит от конкретного социума и исторического момента. Шутка может быть смешной только в определенном контексте, который обуславливается конкретными деталями. Все детали могут быть понятны лишь людям, находящимся в социальной ситуации данного контекста и обладающими мировоззрением, которое создается в определенной субкультуре, конкретном коллективе. Эльдар Рязанов так пишет по этому поводу: «Юмор — категория социальная. Юмор, сатира всегда злободневны. И то, что современники сатирика понимали с полуслова, другому поколению становилось неясным, требовало примечаний, разъяснений. А раз не ясно, в чей огород брошен камень, значит, и не смешно. Юмор, который не вызывает мгновенной ответной реакции, мертв». Отношение к смеху меняется в зависимости от эпохи, культуры, идеологии. На восприятие смешного влияет очень многое — конкретная субкультура, коллектив, ситуация, характер человека. «Смеховой мир отнюдь не един. Он различен у отдельных народов и в отдельные эпохи, а там, где господствует в культуре индивидуальное, личное начало, он в какой-то мере различен и у каждого смеющегося» (Д.С. Лихачев) [13].

Возрастные особенности
смеха

В психологии существует спор о происхождении улыбки у ребенка — имеет она генетически заданный рефлекторный характер или социально обусловлена. Ряд исследователей полагают, что «неверно считать движение новорожденного, напоминающие улыбку, имеющими «смысл» улыбки. Эти движения являются спонтанными и связаны с внутренним состоянием, в то время как собственно улыбка обычно вызывается другим человеком и сходна с движениями «улыбки» лишь на нейрофизиологическом уровне» [7]. О.В. Баженова [4] в своих исследованиях показала, что младенец, улыбаясь, как бы рассчитывает на ответную улыбку взрослого, и если взрослый не отвечает, то переживает фрустрацию. Таким образом, можно считать, что, «являясь врожденным выражением, заранее запрограммированным у человеческого младенца, улыбка становится главным фактором обеспечения прочного эмоционального контакта с матерью, началом всех социальных взаимодействий с другими людьми» [7].

Младенчество: «смысл
улыбки»

Связь смеха с когнитивным
развитием

После ряда исследований связи смеха и когнитивного развития был сделан вывод, что «существует прямая связь между уровнем когнитивного развития и смеховой реакцией уже в первый год жизни» [7]. Кроме этого, считается, что

Онтогенез юмора:
игровые рамки

смех в качестве ответа на некоторые из стимулов вроде ложного нападения «забодая-забодая» может быть объяснен амбивалентностью чувств, которую испытывает ребенок между страхом, с одной стороны, и смехом — с другой.

Рассматривая онтогенез юмора, большинство теоретиков понимают его как «восприятие несоответствия в игровом контексте, которое может сопровождаться улыбкой и смехом» (Мак-Ги) [27]. Главным условием восприятия несоответствия как источника комического, согласно этой теории, является «игровая рамка», под которой подразумеваются коммуникативные сигналы — намеки, приглашающие к восприятию несовместимых событий в игровой форме: «это не серьезно», «это для смеха» — как бы говорят эти сигналы. «Некоторые черты, которые субъект узнает, актуализируют привычную схему (вербальную или зрительную) и порождают ожидания того, как эти черты могут быть связаны с другими, исходя из предшествующего опыта. Тем не менее квази-неожиданное появление других ситуационных элементов сталкивается с этими ожиданиями, порождая своеобразное когнитивное противоречие, дисбаланс в организации привычных схем восприятия или мышления» [27].

Так как для смеха необходимо не только восприятие несоответствия, но еще и сравнение, наложение воспринимаемого на предшествующий опыт (то есть несоответствие должно быть с тем, что было знакомо ранее, со знанием соответствия), то появление у ребенка умения воспринимать юмор связывают с развитием определенных когнитивных структур, способностью распознавать сигналы — намеки. По данным различных исследований, уже десятидвенадцатимесячные дети «способны воспринимать игровой, но не угрожающий характер неожиданных или неидентичных появлений чего-либо, которые при других обстоятельствах будут провоцировать страх, но не смех. Когда же контекстуальные намеки трудны для узнавания, или когда они недостаточно эффективно устанавливают дистанцию, необходимую для игровой установки, несоответствие не порождает смех, а порождает другие, диаметрально противоположные реакции. Например, маленькие дети могут пугаться того, что другие считают смешным» [7].

Другие западные исследователи считают, что юмор начальной стадией своего развития имеет восприятие несоответствия, что, в свою очередь, зависит от развития способностей к символической игре. Согласно Ж.Пиаже, который считал возрастом появления символической игры 18 ме-

Связь развития юмора с
развитием интеллекта

сяцев, можно считать этот возраст временем появления способности к восприятию юмора.

Мак-Ги выделяет четыре стадии развития юмора, связывая их с развитием интеллекта у детей. Каждая из стадий привязана к конкретному возрасту и сильно различает детей по времени своего появления. Однако последовательность появления стадий характерна для большинства детей. Коротко приведем стадии развития юмора по Мак-Ги [27]:

Первая стадия — понимание несоответствий в «притворной игре», где объект, назначение которого ребенок хорошо осознает, употребляется «не по назначению».

Вторая стадия — связана с овладением языком (конец второго года) — «несоответствующие названия» для обозначения объектов и событий (3—6 лет). В отличие от предыдущей стадии понимания несоответствия действий и объектов на этой стадии характерно сотворение чисто словесных несоответствий, но может при этом еще и сопровождаться употреблением объекта не по назначению. Эта стадия «игры слов» может сильно варьироваться в зависимости от личности ребенка и социального окружения. Поощрение ребенка в его словенесоответствиях должно приводить к развитию чувства юмора и креативности.

Третья стадия — «несоответствие в презентации понятий». В этот период ребенок ориентируется на воспринимаемые характеристики объектов. Он сочиняет бессмысленные слова, наслаждается рифмованием и смеется над словами с неожиданным произношением. Это может свидетельствовать о разрушении ребенком физических аспектов мира (т.е. звуков, а не значений).

Четвертая стадия — «смысловое несоответствие понятий». С появлением у ребенка в 7-летнем возрасте способности осуществлять логические связи между событиями, невзирая на внешние признаки, ассоциирующиеся с ними, а также с появлением способности удерживать в сознании два и более объекта одновременно ребенок становится способным воспринимать несоответствия абстрактного характера. На этой стадии ребенок начинает понимать вербальный юмор, связанный с двойным значением слов.

В отечественной психологии также существует ряд исследований возрастных особенностей восприятия и воспроизведения смешного. Приведем краткий анализ некоторых из таких работ.

Результаты исследования, проведенного М.В. Бороденко, показывают, что «онтогенез понятия комического проходит

От восприятия к действию

следующие этапы: сначала восприятие «игровой ситуации» в качестве смешной, затем — выделение улыбки на лице у персонажей как указание «им смешно» и, наконец, нарушение нормы (поведения, действия) как искусственно создаваемое противоречие, вызывающее эффект комического» [7]. То есть, по мнению М.В. Бороденко, на первом этапе ребенок воспринимает ситуацию смешной, когда ему хорошо и весело, реализуя эгоцентрическое воспоминание «играю — весело — смешно», призывая взрослого присоединиться к его радости. На втором этапе развития понятия комического ребенок овладевает его номинативной функцией (5–6 лет). Наличие улыбки дает имя ситуации — «смешно». На третьем этапе (с конца 6 лет) ребенок усваивает функцию комического в искусственном создании противоречий с нарушением норм знаковой формы в условном контексте. В сознании взрослых категория комического «неотделима от ситуации смеховой деятельности» [5].

Детство: над чем смеются
дети

В исследовании Р.А. Садыковой [24] особенностей восприятия смешного детьми дошкольного возраста прослеживается определенная динамика с 4 до 7 лет. В 4 года смешными воспринимаются простые ситуации, в основном несоответствие обстоятельству действия (что-то упало, кто-то упал, что-то не на своем месте, кто-то что-то не так надел и т.п.). В 5 лет количество ситуаций, вызывающих смех, увеличивается — кроме прежних еще могут быть несоответствия действий человека и животных, перенесение действий человека на животных, необычный внешний вид предмета, человека или животного и т.д. В 6–7 лет дети включают в сферу восприятия смешного не только предметы и действия людей и животных, но и отношения между людьми, понятные им. При этом некоторые ситуации, ранее считавшиеся смешными, могут таковыми не признаваться. По мере овладения речью из года в год возрастает способность реагировать на смешное в слове, словесном описании. В 6–7 лет дети начинают смеяться над ошибками в речи, а также над смешными ситуациями, описанными словом, потешками, скороговорками. Происходит также изменение с возрастом формы проявления чувства смешного. В 4 года восприятие смешного выражается не только в контакте со взрослым, в 6–7 лет смех становится проще в коллективе сверстников. Младшие дети часто смеются над собой, более старшие не любят быть объектом осмеяния. Р.А. Садыкова связывает оценку детьми тех или иных ситуаций как смешных не только с разви-

тием интеллекта, но также со степенью сформированности моральных и эстетических оценок ребенка — появляется обратная зависимость между способностью детей к состраданию, жалостливостью ребенка и его тенденцией воспринимать ситуацию как смешную, между его оценкой всей сцены как страшной или же как смешной. С возрастом формируются взаимоисключающие оценки ситуации: смешное — значит, не страшное, смешное — значит, не жалостное.

По данным исследования, проведенного Н.Ф. Кузнецовой [12], развитие и изменение восприятия, понимания и воспроизведение юмора в школьном возрасте проходит в соответствии со следующими тенденциями:

В младшем школьном возрасте доминирует юмор по типу переноса. По данным этого исследования, дети в этом возрасте еще не в состоянии установить скрытое комическое несоответствие. Другой способ достижения комического эффекта в младшем школьном возрасте — обращение всей ситуации в нелепость, за счет использования агрессивных элементов в окончаниях.

Отрочество

В возрасте от 11—12 до 14—15 лет, по мнению Н.Ф. Кузнецовой, дети в основном пытаются обнаружить скрытый комизм предложенных им ситуаций и зафиксировать его в предлагаемых ими окончаниях с помощью разнообразных приемов: использование двусмысленных предложений, ложного противопоставления, ложного усиления, а также введения агрессивных элементов в шутки.

В старшем подростковом возрасте (14—15, 17—18 лет) преобладает юмор, основанный на вскрытии комизма ситуации, но по сравнению с более младшими подростками арсенал приемов фиксации комизма более богат. Кроме уже существующих приемов появляются такие, как доведение до абсурда, преувеличение. Большую популярность имеет агрессивный юмор. В этом возрасте распространен юмор по типу переноса, но в отличие от младших школьников распространено заимствование из уже существующих анекдотов, шуток, реплик героев фильмов и т.п. Н.Ф. Кузнецова отмечает специфическое влияние на юмор старших подростков культуры молодежной среды, правда, не раскрывает, какое именно. Говорится только о том, что часто бывают случаи, когда юноша шуткой может вызвать смех только в своем коллективе, а если он произнесет ее в другом окружении, то подобного ответа шутка не получит. Кроме этого, отмечается то, что к старшему школьному возрасту складываются индивидуальные различия в

проявлении юмора. Они представляют собой предпочтение в использовании определенных типов юмора при создании шуток. Обычно человек смеется над таким же типом юмора, каким и смешит других.

В различных исследованиях смеха подростков отмечается значительный элемент агрессии и цинизма. Изучая психологию ранней юности, И.С. Кон отмечает, что «подростковый цинизм коробит взрослых, но надо учитывать, что обсуждение запретных вопросов со сверстниками позволяет снять вызываемое ими напряжение и отчасти разрядить его смехом» [11].

Смех может рассматриваться, например, как диагностический критерий уровня творческого мышления и культурно-морального развития. По характеру понимания смеха можно судить, как человек взаимодействует с миром, что он ждет от него, как к нему относится, а также можно увидеть интеллектуальный уровень человека, так как смех несет в себе определенную оценку, которая связана с интеллектом. По тому, как, где, над чем и в какой форме человек использует смех, сразу виден характер взаимоотношений в межличностном и в межгрупповом плане.

Наше исследование смеха у подростков

В работе с подростками 9–11-х классов в средней школе №1333 «Донская гимназия» нами были проведены исследования по вопросам особенностей характера восприятия, понимания, отношения и воспроизведения смеха в старшем школьном возрасте. Акцент ставился на изучении смеха в субъективном мире подростка, его личном видении и отношении к смеху, на индивидуальном наборе способов вызывать смех у других. При этом резко выделялось особое влияние как подростковой субкультуры в целом, так и микрогруппы в частности на восприятие и воспроизведение смешного. Понимание и отношение к смеху зависело более от индивидуальных свойств подростка, чем от социальной среды.

Для исследования были применены три методики:

- 1) На особенности субъективного восприятия, понимания и отношения к смеху — письменный опрос по следующим вопросам:
 - Что такое смех в Вашем понимании?
 - Какой бывает смех? Какой смех Вам нравится, а какой нет?
 - Чем и как смешат Вас; чем и как смешите Вы?
- 2) На особенности символического отображения понимания и отношения к смеху в проективном изображении — рисунок смеха.

3) На выявление характера способов воспроизведения и особенностей восприятия смешного и влияния на это группы — игра «Несмеяна», суть которой заключается в постановке задачи группе рассмешить одного из участников, которому дана установка не рассмеяться.

В старшем школьном возрасте уже четко сформировавшаяся способность давать дефиниции тем или иным явлениям очень ярко отображает внутреннее личное отношение к смеху, так как нет еще сильной зашоренности общепринятыми определениями. При анализе материала сразу бросилось в глаза, что при определении смеха давалась односторонне положительно окрашенная оценка: смех как выражение радости, хорошего настроения и т.п. Однако при перечислении видов смеха всегда учитывался амбивалентный характер смеха — как положительно, так и отрицательно окрашенный. На вопрос, какой смех нравится, а какой нет, почти всегда следовал ответ: «Мне нравится...», — а о том, что надо ответить еще на вопрос, какой смех не нравится, — забывалось. Помимо этого удивило, что часто выражается положительное отношение к «истерическому» смеху, хотя оценка ему может даваться и отрицательная. По-видимому, это связано с пониманием «истерии» в подростковой субкультуре как бурного выражения радости, эйфории, восторга. В большинстве случаев описывалась физическая природа смеха, а также его внешнее мимическое и звуковое выражение как проявление внутреннего состояния души или разрядки внешнего или внутреннего напряжения. Вопрос о смехе как насмешке, давлении или агрессии поднимался наравне с его положительными свойствами только при перечислении видов смеха, но это совсем не встречалось при даче ему определений.

Несмотря на однозначно отрицательное отношение к агрессивному и давящему смеху, в игре «Несмеяна» очень часто использовались именно эти свойства смеха, хотя они и слабо помогали разрешить ситуацию. В разных группах существовал приоритет определенных способов вызвать смех в зависимости от возрастного единства и общего прошлого. В группах, состоящих из ребят одного класса, преобладал способ апеллирования на память о прошлом совместном комическом опыте. Комические ситуации и приемы в этой ситуации были узко субкультурными и имели внутригрупповой характер. В менее однородных группах часто выделялся «главный шут», приемы которого и были приоритетными. Самое любопытное, что при общем за-

полнении игры комическими ситуациями, характерными для «главного шута», ситуации разрешались в большинстве случаев шутками другого характера, несоответствующими общему фоновому. Во всех группах преобладали вербальные приемы для вызывания смеха, поведенческие приемы были редкими. В неоднородных группах апелляцию на прошлый опыт заменяли анекдоты и смешные истории общего характера, а также парадоксальные выражения или неадекватные оценки. Если в неоднородных группах не выделялся комический лидер, то игра, быстро теряя темп и динамику, становилась неинтересной. Во всех случаях общий ход игры имел одинаковый характер, различаясь лишь по темпу. Быстрее всего рассмеивались в начале игры, а чем дальше — тем большее время требовалось для того, чтобы «Несмеяна» рассмеялась. При нахождении удачного приема он повторялся на следующей «Несмеяне», но никогда уже второй раз не срабатывал. Возвращение к сработавшим способам рассмешить повторялось постоянно в виде фона, но только появление нового приема могло вызвать смех.

При анализе рисунков смеха мы выделили несколько типов изображений:

- 1) лица (или только рта, рта и глаз, но почти никогда нос и уши — видимо, по той причине, что в мимическом выражении смеха эти части лица не задействованы);
- 2) парадоксальные ситуации или двойственные явления (отражение понимания амбивалентного характера смеха);
- 3) абстракции (так как тема рисунка сама по себе абстрактна: — смех это не образ, увидеть его нельзя);
- 4) сюжеты, передающие определенное настроение (пейзажи, ситуации, животные, взрывы и т.д.), — по ним хорошо видно, какое существует отношение к смеху или каким бы хотелось, чтобы он был.
- 5) иллюстрации к общеизвестным, или субкультурным, или внутригрупповым (что в этом случае чаще всего) произведениям различных жанров, или понятиям, ассоциирующимся со смехом или его олицетворяющими.

Во многих рисунках употреблялись подписи по типу «хи-хи» или «ха-ха» — графического изображения оказывается недостаточно. Очень много рисунков с агрессивными элементами — оскалы с множеством зубов, злые лица, разрушительные взрывы. Часто встречаются изображения, символизирующие смерть, — надгробные кресты, могилы, трупы и т.п. как противоположность символам жизни, любви и радости. В экспрессивных рисунках с использо-

ванием красок присутствуют очень яркие разные цвета, правда, порой создающие зловещее впечатление.

Особенности смеха в подростковой субкультуре состоят в следующем:

- 1) Юмор и смех являются важными элементами подростковой субкультуры, способствующими вхождению подростков в социум и бытию в нем.
- 2) Шутки и юмор играют существенную роль для создания положительной атмосферы для подростков как в группе сверстников, так и в разновозрастных группах.
- 3) Карнавальность и безудержность смехового мира органична подростковой культуре.
- 4) Юмор и смех по своей природе амбивалентны. Значительный элемент агрессии и цинизма, отмеченный в смеховом мире подростков, присущ ему феноменологически, агрессивный и циничный смех проявляется как стремление обособиться, отстраниться, защититься от проблем как социального, группового, так и личностного плана.
- 5) Смех содействует отчуждению от взрослых, их ценностных ориентаций, выступая как средство этого отчуждения.
- 6) Подростки достаточно болезненно реагируют на насмешку со стороны взрослых, а особенно со стороны сверстников или в присутствии их.
- 7) Смеховая культура подростков, появляясь как противопоставление, антимир взрослой культуре, в действительности многое из нее заимствует.

На основе сформулированных выводов можно сделать следующие практические рекомендации, которые могут быть применены в психолого-педагогической работе с подростками:

- 1) Важно уметь использовать юмор, иронию и шутку в общении с подростками.
- 2) Следует эмпатийно реагировать на проявления агрессивного или неуместного смеха подростками.
- 3) Помнить, что самоирония старших высоко оценивается подростками.
- 4) Помнить, что любые ситуации могут иметь комический выход.
- 5) Взрослый обязан избегать насмешек и сарказма в отношении подростков.
- 6) Следует использовать возможность разрешения проблемных ситуаций через смех.
- 7) Следует применять карнавальные принципы общения во внеурочной работе с подростками.

Таким образом, смеховую культуру подростков необходимо учитывать и использовать в психолого-педагогической работе.

1. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М.Бахтин как философ. М., 1992.
2. Адлер А. Взаимосвязь между неврозом и остроумием // Наука жить. Киев, 1997.
3. Аристотель. Об искусстве поэзии. М., 1957.
4. Баженова О.В. Экспериментальное исследование отношения младенцев к общению в норме и патологии // Проблемы медицинской психологии. М., 1980.
5. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
6. Бергсон А. Смех. М., 1992.
7. Бороденко М.В. Два лица Януса-смеха. Ростов-на-Дону, 1995.
8. Дарвин Ч. О выражении ощущений у человека и животных // Полн. собр. соч. Т. II, кн. II. М.; Л., 1927.
9. Карасев Л.В. Философия смеха. М., 1996.
10. Карасев Л.Ф. Парадокс смеха //Квинтэссенция, философский альманах. М., 1993.
11. Кон И.С. Психология ранней юности. М., 1984.
12. Кузнецова Н.Ф. Психологические особенности проявления юмора у детей школьного возраста: Автореферат. М., 1989.
13. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смеховой мир Древней Руси. Л., 1984.
14. Лоренц К. Агрессия. М., 1994.
15. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1982.
16. Лотман Ю.М. Типология культуры. Тарту, 1970.
17. Лук А.Н. Юмор, остроумие, творчество. М., 1997.
18. Маслоу А. Психология бытия. М., 1997.
19. Морено Дж. Театр спонтанности. Красноярск, 1993.
20. Мухина В.С. Возрастная психология. М., 1997.
21. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 1966.
22. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1976.
23. Рязанов Э. Неподведенные итоги. Л., 1991.
24. Садыкова Р.А. Особенности восприятия смешного детьми дошкольного возраста: Автореферат. Киев, 1972.
25. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
26. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному // «Я» и «Оно». Кн. 2. Тбилиси, 1991.
27. McGhee P.E. Humor and Children's Development. New York, 1989.

